

— Эй, друид? — прохрипел он, стараясь, чтобы мальчишка услышал. — Ты что со мной сделал?

Баки видел, с каким усилием тот разлепляет глаза, как недовольно трёт их руками. Ничего, пускай просыпается. Пора двигаться дальше, куда бы они ни шли.

— Бросал бы ты эти штучки. А то мне от трав твоих такие сны снятся... Как бы не схватил тебя да не сделал чего, пока сплю.

Друид хмуро фыркнул — и поднялся, начал собирать разбросанные по поляне скудные свои пожитки. Снял тушу оленя с елового сука и всем своим видом показал, что готов идти дальше. И, не став ждать Баки, пошёл, разведя руками колючие еловые лапы. Вот же упёртый малый...

Наскоро надев рубаху и кое-как намотав под пояс килт, Баки проверил нож и поспешил за ним. Конечно, он выследил бы друида даже спустя полдня — уж больно хорошо видел Баки его следы, словно собака, шёл по ним, поводя носом. Но по непонятному внутреннему велению упускать его надолго из виду не хотелось.

Если бы Баки знал, как близко они были от места, где жил друид — не стал бы делать остановку на ночь. Но он не знал, и когда им ещё до заката открылась заросшая луговыми цветами поляна с холмом у самого подножья леса, грязно выругался себе под нос. Впрочем, друид никакого нетерпения не проявлял. Шёл осторожно, словно нехотя, и каждый шаг давался ему с трудом. У самой землянки мальчишка словно лишился костей и осел в траву, на колени. Баки поспешил следом.

Недалеко от входа валялась под ногами истоптанная шкура, когда-то висевшая и заслонявшая дыру в заросшей травой и цветами стене. Рядом с землянкой, прикрытая сеном, стояла пузатая бочка, явно сколоченная своими руками — и одежду прополоскать, и самому помыться.

А прямо на груди камней, задуманных уличным очагом, лежало тело. Оно когда-то принадлежало пожилому мужчине с вьющимися полуседыми волосами. Но сейчас мёртвое лицо было безобразно исклёвано, и даже самую плоть зверьё не оставило без внимания. От трупа смердело.

Баки скривился и, решив взять на себя груз того, что по его вине тут произошло, шагнул было вперёд, чтобы стащить тело с камней и убрать подальше от берлоги.

Но друид, едва подававший признаки жизни, вдруг вскочил на его пути, яростно шипя, и зло мазнул рукой по щеке, оставляя на коже царапины. Вот как. Баки отшатнулся, но недостаточно ловко. Будь он в форме и с рукой, мальчишка даже на шаг бы к нему не приблизился. Но он сдал. Он нуждался в тренировках. В новом стиле боя. Он был плох сейчас. И саднящая щека тому подтверждение.

Всколыхнувшаяся злая досада тут же снова стихла, словно её утащило камнем на дно — когда он увидел, как осторожно, ласково и с благоговением даже мальчишка-друид пригладил

волосы умершему старику. Как безуспешно попытался сложить ему руки на груди и выпрямить ноги — труп уже окоченел. Как, сгорбившись, отправился за холм и принёс с собой несколько дровяных чурбачков. Отмерев, Баки отправился туда же и, не обращая внимание на злое шипение, принялся помогать носить дрова.

Всё же, огонь, думал он. И хорошо, что огонь, он очищает. Он даёт надежду. Он оставляет память, разрешая пеплу осесть в этом мире, отпуская душу наверх. Создавая невидимую связь. Баки смотрел на пылающий погребальный костёр и знал, что не имел права помогать. Но они были тут одни, даже птицы смолкли, как перед грозой. Небо к ночи заволакивало тёмными тучами — всё как тогда, вечность назад. В отдалении уже громыхало. И никто, даже мёртвый друидов наставник, не мог бы сказать ему, что правильно или неправильно он делает. А сердце говорило ему не стоять на месте. И он делал то, что мог.

<http://erolate.com/book/3459/83611>